

Нина
СТАНИШЕВСКАЯ

ПИСЬМА
БЕЗ АДРЕСА

Нина Станишевская
Письма без адреса (сборник)

«Пробел-2000»

2015

УДК 821.161.1-321.2 Станишевская
ББК 84.(2Рос=Рус)6-44

Станишевская Н. П.

Письма без адреса (сборник) / Н. П. Станишевская —
«Пробел-2000», 2015

ISBN 978-5-98604-460-6

Станишевская Нина Петровна (1929) Окончила факультет русского языка и литературы Московского Государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Работала учителем, экскурсоводом, переводчиком, преподавателем МГУ им. М.В. Ломоносова. На протяжении двадцати лет занималась дизайном и выставочной деятельностью. В 2001 году написала первый рассказ.

УДК 821.161.1-321.2 Станишевская
ББК 84.(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98604-460-6

© Станишевская Н. П., 2015
© Пробел-2000, 2015

Содержание

Рай	7
1937 год...	9
Жизнь в монастыре	11
Война	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Нина Станишевская

Письма без адреса

© Станишевская Н.П., 2015

© ПРОБЕЛ-2000, 2015

* * *

Воспоминания – это тот рай, откуда мы не можем быть изгнаны.

Рай

Свой жизненный путь я начала на рассвете сентябрьского утра. Я появилась на свет из хрустального облака. Вокруг небо, солнце, цветы и ничего более. Да, еще и лето, лето всегда. Но к пяти годам ко мне уже приходят более конкретные ощущения.

Мы живем на «закрытой территории». Это большой двор, обнесенный серым забором, по верху которого в три ряда натянута колючая проволока. Проходная с военизированной охраной. На территории четыре деревянных коттеджа. Один из них, самый дальний, как бы в два этажа обвит цветами. Там живет начальник. А рядом – Научно – исследовательский, химический институт – НИХИ – институт химзащиты войск. Иприт, люизит – вот два слова, которые чаще других произносятся здесь.

Все взрослые мужчины нашего двора работают в этом институте, хорошо знают друг друга. Летом на террасах вместе пьют чай. Иногда даже вместе проводят отпуск.

В дальнем углу нашего обширного двора теннисный корт. Летом вечерами все там. Дети на скамеечках, взрослые играют в теннис, устраивают соревнования. Мамина ракетка до сих пор висит на стене и украшает мою комнату на даче.

Ближе к реке Яузе, почти на самом ее берегу, – баскетбольная площадка. А рядом место и для нас, детей, где мы проводим почти весь день. Утром приходим сюда, под навесом завтракаем, потом воспитатели занимаются с нами. Обедаем и даже спим на раскладушках. И только когда сырость от реки начинает окутывать плечи, все расходятся по своим квартирам.

Рядом с коттеджами стоит четырехэтажный кирпичный дом. На верхних этажах небольшие комнаты для одиноких сотрудников института, а на первом этаже большая столовая, где можно и завтракать, и обедать, и ужинать, а можно взять еду домой. Цены мизерные, поэтому, когда у родителей денег мало, то мама берет обед для всех нас домой.

Зимой в этой столовой часто устраивают концерты для взрослых. Столы сдвигают в сторону, расставляют стулья, и начинается концерт.

Два раза в неделю для занятий с детьми приходит педагог, раздает красные деревянные дудочки и учит детей на них играть. Ближе к весне мы в той же столовой даем концерт для наших родителей.

В этом кирпичном доме на верхнем этаже жил папин друг Казимир Янковский. Вскоре он женился на маленькой темноволосой Галине, и у них родился сын. Мы с папой пошли смотреть младенца. Казимир держал его на своих широких ладонях и счастливо улыбался.

А недавно в одном из журналов я обратила внимание на беседу журналиста с директором Института общей генетики Николаем Казимировичем Янковским. Неужели это тот самый младенец, которого я помню на руках отца. А мне было тогда лет пять. Звоню. Да, это действительно он. Я рассказываю Николаю Казимировичу все, что помню об его отце, об общих с моим отцом друзьях. Мы беседуем долго, несмотря на то, что в этот день ему присвоили звание члена – корреспондента Академии Наук, и его ждал небольшой фуршет в своем коллективе. Вот тебе и генетика!

Наша семья в одном из коттеджей занимала комнату в двухкомнатной квартире, а вторая комната до поры до времени оставалась пустой.

Однажды в пустующую комнату принесли железную кровать, письменный стол и стул. А через некоторое время появился и сам жилец – немец Вальтер Теобальтович Руф. Он тоже стал работать в институте, был молод и очень красив. Когда бы я ни заглянула в его комнату, он всегда сидел за письменным столом.

В 1932 году к нам из Краснодара приехали мамы родители. Они бежали от голода. Поселились у нас на тесной кухне, где почти все пространство было занято большой плитой, на которой готовили и зимой, и летом.

Чтобы не быть в тягость молодой семье, дедушка начал работать. Каждое утро он отправлялся в подсобное хозяйство на Яузе и оттуда привозил полную подводу овощей. Тут же, в углу у проходной на столе появлялись весы, и обитатели нашего двора раскупали всю эту зелень в течение 2-х – 3-х часов. Бабушка шила мне красивые платья: бархатные, шелковые, вышитые, с аппликациями, рюшами, воланами. Местные дамы тут же начали заказывать бабушке такие же для своих девочек. А потом, осмелев, бабушка начала обшивать и самих дам. Наша кухня стала бойким местом – здесь придумывали, кроили, примеряли и листали модные журналы.

Так спокойно с разными радостями текла наша жизнь по адресу: Москва, Богородский вал, дом 3.

1937 год...

1937-й год. Живший в нашем коттедже начальник отдела Николай Ивонин возвращается из командировки из Италии. Обыск в его квартире длится ночь и почти весь день. Нашли брошюры Троцкого. Его забирают, забирают через некоторое время и его жену. Маленькая дочка вместе с бабушкой оказывается в маленькой комнатухе на другом конце Москвы. Через несколько лет возвращается жена Ивонина – Эсфирь с выражением счастья на лице от того, что жива. Мои родители поддерживали с ней приятельские отношения, как и прежде, еще многие годы.

Арест Николая Ивонина был началом перемен. Институт переходил в военное ведомство. Все сотрудники должны были стать военными. Отец отказался стать военным, и тогда ему пришлось уволиться. Он переходит работать на завод «Красный Богатырь». Там в специальном конструкторском бюро он продолжал заниматься своим прежним делом – конструировать противогазы для людей, собак и лошадей. Но на заводе сначала отца встретили не совсем гостеприимно. Ему часто объявляли выговоры, которые вскоре отменялись.

Однажды отец пришел с работы врагом народа. В заводской многотиражке была опубликована статья «Выкурим врагов народа из всех щелей завода». В числе прочих там была фамилия и моего отца. Папа долго хранил эту газету в своем архиве.

Отца помню только с золотыми зубами – весь верхний левый ряд. Золото во рту свидетельствовало о том, что однажды разговор на Лубянке, куда его не раз вызывали, был с пристрастием. С большим пристрастием – требовали доноса. Но однажды на заводе отцу была объявлена благодарность с занесением в личное дело. И вскоре он стал начальником этого конструкторского отдела. Папу ценили как специалиста в своем деле, но глаз с него не спускали.

* * *

Однажды вскоре после войны мы с мамой пошли покупать дрова. Около колхозного рынка, который находился на месте нынешней станции метро «Пролетарская». За невысоким забором были сложены дрова на продажу. Покупатели сами заполняли меру, а потом перекладывали на большие сани или тележку, и какой-нибудь мужичок вез тебе эти дрова домой.

И вот мужчина, который заполнял для себя меру, вдруг обнаружил, что между стволом и корой засунута записка, в которой какой-то заключенный просил сообщить родным в Грузию, что он жив. Сразу же продажу дров прекратили, вызвали милицию. Надо полагать, что добрая весть до родных не дошла.

Репрессии возобновились и после войны, но не с такой силой.

1948 год. Я ученица десятого класса. Поехала попрощаться с родственницей Еленой Семеновной. Она отбывала в ссылку. Жила Елена Семеновна в большом доме на втором этаже вблизи Политехнического музея. Когда я подошла к двери и позвонила в квартиру, то оглянувшись, заметила молодого человека, который сидел на ступеньках. Я вошла в квартиру. Мы с Еленой Семеновной пили чай, беседовали. Она расспрашивала меня о моей жизни и все никак не отпускала. А когда, попрощавшись, как оказалось, навсегда, я вышла из квартиры, молодой человек, сидевший на лестнице, не скрываясь, последовал за мной. У Политехнического музея я села в трамвай и поехала к себе домой. Молодой человек тоже вскочил в этот же трамвай и стал рядом, но так, чтобы я неожиданно на остановке не могла выскочить. Так мы доехали до Крестьянской заставы. Там я вышла, он последовал за мной и проводил до самых ворот. Позднее моя тетушка Виктория мне говорила, что следующий круг после Елены Семеновны –

она и ее муж, а потом мои родители и я – вполне взрослая девятнадцатилетняя девушка. Но к счастью, очередь до нас не дошла.

А Елена Семеновна через несколько дней уехала. Она была довольна тем, что едет не просто в ссылку, а соединится и будет жить вместе со своей племянницей Наталой, Натальей Алексеевной Рыковой.

К тому времени Натала провела в лагерях и ссылке уже около десяти лет в Казахстане и самоэтапировалась в Воркуту, где отбывал свой срок ее муж Вальтер Густавович Перле. Нравы мягчели, и Натале разрешили по прошествии десяти лет соединиться со своим мужем. Счастью ее не было границ, если можно было это назвать счастьем. Ведь достаточно молодая женщина ехала к мужу, имея изъян – у нее не было одной груди. Рак – такой диагноз вынесли три врача, отбывающие срок в том же лагере, что и Натала. Консилиум собрался в маленькой комнатухе зади лагерной аптеки. Оперировали там же. Результат отличный.

Натала с мужем купили небольшой домик на берегу речушки. Обзавелись огородом, где филолог Натала успешно выращивала все, начиная с картошки. А когда мимо проходил конвой, то Натала не скупясь, снабжала овощами и конвоируемых. Так вот в этот обустроенный мир к родным людям отправилась пожилая женщина, библиотекарь Елена Семеновна, родная сестра жены А.И. Рыкова.

В 1953 году К.Е. Ворошилов отправил к ним самолет, чтобы летчик сообщил им, что скоро они будут свободны и смогут вернуться в Москву. Но это произошло через два года. А когда они вернулись, то вскоре умерла Елена Семеновна, а за ней и Вальтер Густавович, больной туберкулезом и отбывший в тюрьмах, лагерях и ссылке 19 лет. А Натала, несмотря на 17 лет тюрем, ссылок и лагерей прожила долгую жизнь. Я бывала у нее, но не часто. Она рассказывала мне различные эпизоды из ее ссыльной жизни. Я советовала ей писать об этом, но она отмахивалась и говорила, что таких, как она, было много, так зачем и писать тогда. В свои 86 лет, живя на Ордынке, она однажды отправилась в соседнюю школу записываться в 1-й класс.

В моей квартире висит небольшая акварель, сделанная рукой самого Вальтера Густавовича – на обрывистом берегу маленький домик, их домик. Этой акварелью я очень дорожу.

Жизнь в монастыре

Поскольку отец, работая в НИХИ, отказался стать военным, ему пришлось поменять не только работу, но и место жительства. Семье было предложено ехать жить в город Казань, где к тому времени было много пустующих квартир – репрессии туда пришли раньше и были жестче. Но и в этот раз отец отказался переселяться в Казань, и мама через обменное бюро нашла семью, которая уехала туда вместо нас. Родители отдали им деньги, которые были нам выданы на приобретение жилья в Казани. Эта семья уехала туда, а мы переселились в их комнату, которая находилась в Ново – Спасском монастыре. Это была трапезная для братии. К ней примыкала небольшая сводчатая кухня. Можно сказать, что у нас была теперь отдельная квартира – большая редкость по тем временам.

Охрамчук – такова была фамилия семейства, жившего до нас в этой комнате. Во главе стояла мать, которая всеми командовала, старшая дочь слыла в округе «частной давалкой», двое взрослых сыновей держали всю округу в страхе. Младшая девочка была моей ровесницей. В семье был еще тихий безответный отец.

Когда мы поселились в их комнате, то к нам первое время приходили люди со всей округи со словами благодарности за то, что мы избавили их от этого семейства.

Переезд в Новоспасский монастырь совпал с моим поступлением в школу и с рождением сестры Марины. Отец, мать и мы, две девочки, разместились в двадцатипятиметровой комнате, а дедушка с бабушкой опять на кухне. Правда, здесь уже можно было поставить две кровати – и для бабушки, и для дедушки, который к тому времени уже был болен туберкулезом легких. Кухня была сырая – влага постоянно блестела на стенах. Но мы быстро освоились на новом месте. Тут я обрела своих первых друзей, которых сохранила на всю жизнь. Здесь я закончила школу, институт, вышла замуж, родила сына. Мы прожили в монастыре 25 лет.

Когда в 1937 году мы приехали в монастырь, тут уже было много народу. Двухэтажные настоятельские покои были полностью заселены: в каждой комнате по семье. Публика однородная – все прибыли из деревень. В семье один – два ребенка. Широкий коридор вдоль комнат одновременно служил и кухней. Даже под лестницей на первом этаже жила молодая симпатичная Дора, приехавшая с Украины. Ее кровать под лестницей отгораживала от внешнего мира обычная ситцевая занавеска. И никто не шумел, когда Дора уже спала. В пристройке над вторым этажом было домоуправление. Домоуправ сам решал все житейские вопросы обитателей монастыря. Когда Доре трамваем отрезало ногу, и она вернулась из больницы на костылях, ей тут же без промедления была выделена комната.

Все мужчины, жившие в настоятельских покоях, работали рядовыми милиционерами. И корпус этот уже назывался не настоятельские покои, а милицейский. Начальник милиции Воробьев жил в корпусе для братии и тоже занимал небольшую комнату на первом этаже. У него была жена и двое мальчишек. Когда он приходил с работы, то мы уже не играли и не шумели под его окном. Он, сняв форму, отдыхал, а мы соблюдали тишину.

Одинокая женщина с дочкой жила в покойницкой рядом с Преображенским собором. Это небольшое и красивое архитектурное сооружение имело площадь всего 2 × 2 м. Внутри помещались только кровать с тумбочкой. Три окна смотрели на три стороны света. Для удобства домоуправ распорядился к покойницкой пристроить из досок что-то вроде кухни. И уже можно было вполне жить.

Жили даже в угловой башне. Соорудили лестницу на второй уровень башни, и жилище готово – целая башня.

Но, конечно же, жили и на колокольне. Все три яруса колокольни были заселены. На третьем ярусе из фанеры построили три «квартиры», некоторые комнаты даже имели окна. В одной из этих «квартир» жило большое семейство Толоконцевых, где было много мальчишек.

Повзрослев, они по очереди потянулись в тюрьму. Рядом – семья Коротковых, которая брала пример со своих соседей. Возвращаясь из тюрьмы, мальчишки нас, жителей двора, не трогали, наоборот, пытались установить со всеми дружеские контакты. Третье семейство было вполне благополучным. Старшая из девочек – Валя Чистосердова окончила медицинский институт и работала неподалеку в 13-й горбольнице.

В корпусе для братии жила публика тоже ничем не примечательная. И первая, кто к нам пришел со словами благодарности за избавление от семейства Охрамчуков, была соседка Вера – женщина средних лет приятной наружности, приехавшая откуда-то с юга Украины и плохо с большим акцентом говорившая по-русски. Папа сразу дал ей прозвище – «две коридори». Она знала об этом, но не обижалась. А мы всю жизнь звали ее просто Баба Вера. Одинокая, она сразу стала членом нашей семьи, только ночевать она ходила напротив в свою маленькую комнатку. Она торговала с тележки газированной водой, приходила домой иногда к полуночи.

Зная это, молодые братья Охрамчуки однажды с внутренней стороны парадной двери поставили скелет монаха, выкопанный за домом. Баба Вера открыла дверь, и скелет упал на нее. Бедная женщина потеряла сознание, пришлось отпаивать ее сердечными каплями. А в другой раз они посадили скелет в туалете на подоконник. Эффект был тот же. Так что привязанность Бабы Веры к нашей семье была вполне оправданна.

А когда у меня родился сын, она привязалась к нему как к своему родному. И первые штаны моему сыну Баба Вера сшила из своей юбки.

Ее давно уже нет, но мы храним о ней теплую память.

В Преображенском соборе, не нарушая интерьера, внутри всего пространства были сооружены стеллажи. Иногда вплотную к входу в собор подъезжал грузовик, из собора выходила военизированная охрана, становилась по бокам грузовика, и начинали выгружать из машины папки, пакеты, свертки. Позже я узнала, что это был архив НКВД, расстрельные дела. Мне даже удалось однажды заглянуть внутрь. А в Знаменской церкви, что в углу двора, был устроен склад мебели, конфискованной у тех, чьи дела хранились в соборе.

Однажды утром все жители нашего двора с недоумением увидели в углу недалеко от колокольни на месте могил монахов большую яму, засыпанную свежей хлоркой и обнесенную на скорую руку забором. Хлорка ела глаза. Никто ничего не понимал. Но мама мне строго сказала, чтобы я к забору не приближалась и ни в коем случае сквозь щели не заглядывала. Потом я поняла – там, в этой яме были останки тех, чья мебель хранилась в Знаменской церкви, а личные дела в Преображенском соборе.

* * *

Так текла наша жизнь. Мы выросли, учились, работали, женились. Все как у всех.

Война

Но вот настал 1941 год. Война. Предчувствие которой уже витало в воздухе. Вскоре по ночам начали бомбить Москву. Старики, женщины, дети нашего двора скрывались в усыпальнице бояр Романовых, что в подклети Преображенского собора. А мой папа вместе с другими мужчинами нашего двора лазил по крышам и гасил зажигательные бомбы.

Однажды папа сказал, что мы должны ехать в Кисловодск, там тихо, и у бабушки Вали большой дом. Меня не отправили вглубь страны вместе с другими детьми нашей школы, а мы всей семьей, т. е. мама, бабушка Маруся и мы, две девочки, едем в Кисловодск к бабушке Вале. Папа остается в Москве и практически живет на заводе. У него бронь, он нужен в тылу.

Кисловодск по сей день я считаю своей второй Родиной. В бабушкином доме нам живется хорошо и спокойно. Папа каждый месяц присылает нам деньги на жизнь. Слепительно красивая природа и горы отгораживают нас от внешнего беспокойного мира. Вскоре к бабушке приезжает ее дочь с мужем. В доме десять человек. Мой дядька и его старший сын Болеслав на фронте.

Но дыхание войны чувствуется все сильнее. Вскоре в санаториях оборудуют госпитали для раненых. Фронт приближается. Мама идет работать в госпиталь хирургической сестрой. У нее нет специального образования, но есть решительность и хватка. Главным хирургом в госпитале был профессор Иванов, весьма пожилой человек, но которому приходилось стоять у операционного стола по много часов кряду. Раненых выхаживали самоотверженно, но их становилось все больше, и они поступали уже прямо с передовых позиций, перевязанные на скорую руку. Фронт стремительно приближался и началась эвакуация раненых.

Однажды утром к платформе вокзала был подан первый состав. Началась погрузка раненых. Кто мог – шел сам. Кто не мог – того из госпиталя несли на носилках медсестры и врачи. Первый состав благополучно отбыл из города, миновал Минеральные Воды и ушел в тыл. А когда под погрузкой стоял второй эшелон, то на город налетели немецкие самолеты и в первую очередь начали бомбить вокзал и состав, стоящий под погрузкой. Те раненые, которые уже находились в вагонах, стали разбегаться. Те, кто не мог ходить, ползли в сторону от поезда. Загипсованные раненые оставляли на асфальте полосы от гипса. Зрелище было ужасное. Моя мама в тот момент находилась там – она принесла на носилках очередного больного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.